2) ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БОРИСОВЪ,

КАЛУЖСКІЙ ИМЯНИТЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

(Біографическій очеркъ).

Иванъ Ивановичъ Борисовъ родился въ Калугѣ 11 іюля 1742 года. Отецъ его торговалъ хлѣбомъ и пенькою, а дѣдъ былъ дьячкомъ Покровской церкви. Поэтому воспитаніе юнаго Борисова имѣло два различныя направленія: отецъ пріучалъ его съ 7-ми лѣтняго возраста къ торговлѣ, а дѣдъ, видя бойкій умъ и способности къ ученію, передавалъ ему всѣ познанія церковника. Для добраго понятливаго мальчика та и другая наука принесли большую пользу: подъ руководствомъ отца, онъ въ юношескихъ лѣтахъ сдѣлался отличнымъ торговцемъ, а чтеніе церковныхъ книгъ и толкованія дѣда твердо укоренили въ сердцѣ его сѣмена добра и правды. Была и еще выгода отъ ученья дѣда: часто переписывая разныя поминанія и каноны, молодой Борисовъ научился писать твердымъ и хорошимъ почеркомъ, что было въ то время рѣдкостью, и одно это доставило ему названіе *грамотнаго*.

Въ 1762 году, отецъ его умеръ, и Борисовъ 20-ти лѣтъ отъ роду сдѣлался безотчетнымъ хозяиномъ доставшагося на его часть состоянія. Умный, дѣятельный, съ дѣтства пріученый къ торговлѣ, онъ такъ быстро увеличилъ свои обороты, что чрезъ три года началъ производить оптовую продажу товаровъ въ Петербургѣ и Ригѣ. Такой образъ торговли доставилъ ему, не смотря на молодость, званіе *степеннаго*, и онъ, какъ человѣкъ *грамотный*, занялъ видное мѣсто въ кругу согражданъ.

Полная свобода дѣйствій въ молодыхъ лѣтахъ, удача въ торговлѣ и почетъ отъ гражданъ развили въ Борисовѣ въ высшей степени самостоятельность, любовь къ своему званію и признательность къ обществу. Подъ вліяніемъ такого развитія добрыя и благородныя наклонности сердца,—дары природы, и ученье дѣда, получили сознательный смыслъ и образовали въ немъ характеръ энергическаго, гордаго своимъ званіемъ и безкорыстно преданнаго общественнымъ интересамъ гражданина, какимъ онъ и остался на всю жизнь. Разумѣется такой характеръ Борисова внушалъ симпатію всѣмъ и въ скоромъ времени сочувствіе къ нему гражданъ выразилось весьма лестнымъ образомъ.

Съ февраля мѣсяца 1769 года Борисовъ находился на службѣ въ провинціальномъ магистратѣ ратманомъ; но торговыя дѣла, требовавшія непремѣнно личнаго его присутствія въ С.-Петербур-

гъ, и невозможность отлучаться отъ должности такъ часто, какъ было нужно, заставили его просить объ увольненіи прежде окончанія срока службы, и когда онъ обратился объ этомъ къ обществу, то вотъ какой приговоръ получилъ отъ него въ маѣ 1771 года: „гражданству довольно извѣстно, что по одиночеству Борисова въ коммерціи его, производимой при С.-Петербургскомъ портѣ, происходитъ крайняя остановка, и болѣе въ магистратскомъ служеніи ему быть невозможно; чего ради мы граждане, принявъ его Борисова резоны въ уваженіе, обязываемся, при увольненіи его отъ службы, выбрать на мѣсто его, изъ среды своей другаго. Въ бытность же его ратманомъ Борисовъ поступалъ добропорядочно, какъ по долгу присяги отъ хвалу заслуживающаго человѣка зависитъ, и никакихъ гражданству обидъ, притѣсненій, взятковъ и прочихъ непорядочныхъ поступковъ отъ него не происходило, и гражданство имъ Борисовымъ довольно.“

Чтобы оцѣнить вполнѣ этотъ приговоръ, какъ доказательство расположенія гражданъ, нужно замѣтить, что городская служба тогда считалась купцами тяжелымъ бременемъ и помѣхою въ торговлѣ; слѣдовательно добровольное согласіе на принятіе такого бремени было жертвою собственныхъ выгодъ въ пользу чужаго интереса.

По увольненіи отъ службы въ 1771 году, Борисовъ до 1777 года былъ занятъ исключительно своею торговлею, участвуя въ общественныхъ дѣлахъ только тогда, когда голосъ его нуженъ былъ для поддержанія какого нибудь полезнаго предпріятія. 1777, 78 и 79 годы онъ опять служилъ засѣдателемъ въ губернскомъ магистратѣ; но объ этой службѣ нельзя сказать ничего болѣе, какъ повторить его собственныя слова, написанныя имъ впослѣдствіи въ одномъ объясненіи,—что „въ подаваемыхъ отъ городскаго магистрата о присутствующихъ главному начальству послужныхъ спискахъ онъ всегда аттестовался въ надлежащемъ достоинствѣ.“

Съ 1780 по 1789 годъ торговля Борисова была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и значеніе его въ обществѣ возросло въ это время, до такой степени, что въ концѣ 1789 года онъ былъ избранъ городскимъ головою.

Въ то время Калуга была подъ управленіемъ знаменитаго въ лѣтописяхъ ея генералъ-губернатора М. Н. Кречетникова. И теперь есть еще старики, которые помнятъ его старанія объ устройствѣ города, его доступность и справедливость ко всѣмъ гражданамъ. Безъ сомнѣнія, распорядительный и заботливый объ общественной пользѣ городской голова долженъ былъ обратить на себя вниманіе такого начальника, каковъ былъ Кречетниковъ, и Борисовъ, пользуясь его расположеніемъ и поддержкою, свободн

принялся за все то, что служило ко благу жителей и къ устройству города.

Всѣ общественные приговоры и совѣты того времени отличаются особенною благонамѣренностію: вспоможеніе бѣднымъ гражданамъ въ постройкахъ, призрѣніе сиротъ и убогихъ, уплата богатыми податей и недоимокъ за неимущихъ, изысканіе средствъ къ прекращенію ниценства между калужанами и къ развитію такой промышленности, которая давала бы способы къ жизни рабочему классу, все это постоянно занимало Борисова во время его службы.

Генералъ-губернаторъ Кречетниковъ уѣхалъ изъ Калуги въ Кіевъ прежде, нежели окончился срокъ службы городскаго головы. Умный и признательный Борисовъ, послѣ выбора въ концѣ 1791 года новыхъ членовъ городскаго управленія, письмомъ отъ себя и отъ имени членовъ магистрата, выразилъ чувства благодарности къ нему за всѣ благодѣтельныя попеченія его о жителяхъ и за вниманіе къ нимъ. Такой деликатный поступокъ очень понравился Кречетникову, и онъ прислалъ имъ изъ Кіева, отъ 28 января 1792 года, слѣдующій отвѣтъ:

„Государи мои! Письмо ваше, извѣщающее о сложеніи вами должностей по избранію калужскаго гражданства, на основаніи высочайшихъ о губерніи учрежденій въ теченіи пятаго трехъ-лѣтія понесенныхъ, я получилъ и, пріемля съ удовольствіемъ признательность вашу къ попеченію моему о благѣ и спокойствіи всѣхъ и каждаго члена общества градскаго, пріятнымъ имѣю долгомъ свидѣтельствовать вамъ и мою взаимную признательность по похвальному и ревностному о соблюденіи должнаго въ обществѣ порядка и о выполненіи высочайшихъ узаконеній и предписаній губернскаго начальства служенію вашему. Воздавая вамъ, государи мои, должную справедливость, остается мнѣ желать, дабы пріемники ваши въ продолженіи служенія ихъ употребляли желаемое попеченіе о удовлетвореніи долга ихъ, о сохраненіи во всемъ благоустройства и о содержаніи въ обществѣ добраго согласія, необходимо нужнаго ко благу всѣхъ сограждан; впрочемъ пребуду вамъ и проч.“ Адресовано: „Бывшимъ калужскимъ гг. градскому головѣ Борисову и членамъ городоваго магистрата.“

Но не одинъ Кречетниковъ сознавалъ похвальную и усердную службу Борисова; все общество отдавало должную справедливость полезнымъ заслугамъ его и единодушно наименовало „имянитымъ гражданиномъ“. Это названіе, утвердившееся за нимъ съ того времени, дало ему право первенства во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1793 года И. И. Борисовъ купилъ купоросную фабрику, устроенную въ Калугѣ въ 1745 году купцомъ Карасевымъ по привиллегіи, выданной изъ государственной ману-

фактуръ-коллегіи. Но это производство ему не удалось. Вотъ какъ онъ самъ объяснялъ причины такой неудачи: „я, говорилъ онъ, купилъ фабрику, когда она уже стояла безъ дѣйствія, но въ той надеждѣ, что бывшіе при ней два мастера ремесло купороснаго производства совершенно знаютъ, въ чемъ и они меня самаго завѣряли; но когда я препоручилъ имъ матеріялы и инструменты, то мастера, пристрастившись къ пьянству и невоздержной жизни, оба вскорости отъ того померли, а другихъ не было, и фабрика, не смотря на всѣ мои старанія, по незнанію этого дѣла, прекратила выдѣлку купороса.“ Въ 1796 году онъ сломалъ часть фабричныхъ зданій и выстроилъ на мѣстѣ ихъ каменный жилой домъ.

Съ началомъ настоящаго столѣтія по разнымъ частямъ управленія Калужской губерніи были допущены весьма важныя злоупотребленія. Между прочимъ съ гражданъ г. Калуги начали производить излишніе поборы на содержаніе полиціи и отягощали ихъ отводомъ квартиръ по произволу для такихъ лицъ, которымъ, по закону, не слѣдовало. Бывшій по 1801 годъ городской голова Чуриковъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, оправдываясь поговоркою: „противъ рожна нельзя прати;“ но жители роптали и на выборахъ 1800 года громко изъявляли свое неудовольствіе на членовъ городской думы. Борисовъ былъ во главѣ недовольныхъ. Онъ съ жаромъ упрекалъ Чурикова за равнодушіе и неучастіе къ общественнымъ дѣламъ, а въ особенности за беззащитное положеніе бѣдныхъ жителей, болѣе другихъ страдавшихъ отъ беззаконія. Граждане совершенно сознавали справедливость упрековъ Борисова, и увѣренные въ его нелицемѣрномъ усердіи къ пользѣ общества, обратились къ нему съ просьбою о защитѣ, а чтобы дать всѣ средства къ тому, избрали вновь городскимъ головою.

Борисовъ вполнѣ оправдалъ довѣріе и надежды гражданъ. Вступивъ въ должность, онъ рѣшительно возсталъ противъ беззаконія и произвола.

Въ это время въ полномъ блескѣ проявился его энергическій самостоятельный характеръ и великодушная преданность къ общему благу. Ни лестныя обѣщанія, ни угрозы начальниковъ, ничто не могло поколебать его твердости и безкорыстія. Не взирая ни на какое лицо и откинувши всѣ личные интересы, онъ мужественно отстаивалъ права гражданъ, настойчиво требуя прекращенія поборовъ и освобожденія отъ лишняго постоя.

Нечего говорить, что такія дѣйствія Борисова возстановили противъ него всѣ губернскія власти, съ вѣдома которыхъ происходили эти злоупотребленія, и, само собою разумѣется, власти начали изыскивать средства избавиться отъ него. Какъ опытный, уважаемый всѣмъ обществомъ городской голова, Борисовъ по долж-

ности своей не подавалъ никакого повода къ обвиненію его въ упущеніяхъ, или незаконныхъ распоряженіяхъ. Поэтому полиція, болѣе другихъ раздраженная его твердостію и настойчивостію, придралась къ нему, какъ къ частному лицу. Сперва она завела слѣдствіе: по какому праву онъ назывался именитымъ гражданиномъ? Потомъ потребовала отъ него объясненія, по какому праву онъ владѣлъ фабричными людьми, тогда какъ фабрика не имѣла уже производства.

Губернское начальство одобривши эти мѣры, передало оба предмета на обсужденіе городоваго магистрата. Желаніе властей осудить Борисова выражалось очень ясно и вліяніе ихъ было такъ сильно, что несмотря на полные правды и благоразумія отвѣты его, малодушные члены магистрата, желая угодить начальству, позабыли долгъ чести и совѣсти и рѣшились на преступленіе: они переправили гильдейскія книги, уничтожили въ нихъ названіе именитаго гражданина, присоединенное къ фамиліи Борисова, и обвинили его въ самовольномъ присвоеніи этого званія. Наконецъ, раболѣпная угодливость членовъ магистрата дошла до такой степени, что, разбирая права Борисова на фабричныхъ людей, они присудили взять выстроенный имъ на мѣстѣ фабрики домъ въ казенное вѣдомство.

Какая разительная противоположность въ дѣйствіяхъ членовъ одного и того же сословія! Съ одной стороны Борисовъ, неподкупный защитникъ правъ гражданъ, одинъ, съ убѣжденіемъ въ справедливости своего дѣла, твердо, упорно противится обольщенію и придиркамъ; съ другой—члены магистрата, тѣ самые граждане, выгоды которыхъ мужественно отстаивалъ Борисовъ въ ущербъ собственнымъ интересамъ, малодушно переходятъ на сторону его противниковъ, своихъ притѣснителей, и низкое угожденіе къ нимъ простираютъ до преступленія! Такой контрастъ еще болѣе возвышаетъ Борисова и заставляетъ невольно удивляться его благородной непоколебимости и безкорыстной преданности обществу.

Рѣшенія магистрата дали поводъ губернскому начальству предать Борисова суду уголовной палаты. Напрасно онъ просилъ дать ему на эти рѣшенія право аппелляціи; просьбъ не принимали: для осужденія его въ нихъ не было нужды! Но и въ такихъ обстоятельствахъ Борисовъ сохранилъ присутствіе духа, спокойно, съ сознаніемъ своего долга распоряжался дѣлами города и продолжалъ съ сильными врагами борьбу за свое достоинство и состояніе. Нельзя было предвидѣть, до какихъ размѣровъ дошло бы насиліе враждебныхъ ему властей, если бы на театръ этихъ событій не явилось новое лицо. То былъ знаменитый поэтъ, сенаторъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Сладкозвучный пѣвецъ Фелицы прибылъ въ Калугу, какъ

предвѣстникъ грознаго возмездія за всѣ беззаконія. Вѣсти о злоупотребленіяхъ въ нашей губерніи дошли до слуха монарха, который, праведно вознегодовавъ на притѣснителей, преступившихъ законы, повелѣлъ Державину узнать гласъ народа относительно поступковъ чиновниковъ: „хранятся ли ими законы, учрежденный порядокъ и правосудіе," потомъ удостовѣриться на самыхъ дѣлахъ о справедливости извѣтовъ*). Державинъ въ точности исполнилъ волю государя. Онъ раскрылъ истину, оправдалъ невинныхъ, обвинилъ преступныхъ и именной указъ, данный Прав. Сенату 16 августа 1802 года возвѣстилъ Россіи о всѣхъ беззаконныхъ дѣлахъ, совершившихся въ Калужской губерніи, и о справедливомъ наказаніи виновныхъ въ томъ; въ числѣ прочихъ и члены городоваго магистрата были преданы уголовному суду за переправку гильдейскихъ книгъ и за отказъ Борисову въ апелляціи.

Съ пріѣздомъ Державина дѣла Борисова приняли совершенно иной видъ. Правда его была услышана: жителей освободили отъ поборовъ и отъ отвода квартиръ по произволу, а излишне собранныя съ нихъ на содержаніе полиціи деньги велѣно взыскать съ виновныхъ; разсмотрѣніе же права Борисова на званіе именитаго гражданина поручено было гражданской палатѣ. Вслѣдъ за тѣмъ государь императовъ, получивъ донесеніе, что Борисовъ преданный губернскимъ начальствомъ сужденію уголовной палаты за неправильное будто-бы присвоеніе этого званія, найденъ тою палатою невиннымъ, повелѣлъ предписанное гражданской палатѣ разсмотрѣніе дѣла прекратить и оставить безъ дѣйствія, а Борисова, въ воздаяніе притѣсненій по суду и за долговременную безпорочную службу по общественнымъ выборамъ, также за защиту городскихъ жителей отъ излишнихъ поборовъ и притѣсненій, всемилостивѣйше пожаловалъ чиномъ коллежскаго ассесора.

Такъ кончились эти многознаменательныя для Ивана Ивановича Борисова событія! Взысканный милостію царя, окруженный истиннымъ уваженіемъ согражданъ, онъ со славою и честію окончилъ свою службу, а вскорѣ потомъ и земное поприще. Онъ умеръ 8 января 1807 года и похороненъ на Пятницкомъ кладбищѣ.

Миръ праху твоему доблестный гражданинъ Калуги! Съ чувствомъ глубокаго уваженія преклоняемся, вспоминая имя твое, и отъ искренняго сердца молимъ, да даруетъ намъ Всеблагое Провидѣніе видѣть посреди нашихъ гражданъ подобныхъ тебѣ ревнителей общественнаго блага.

Г. Емельяновъ.

*) Именн. указъ Пр. Сенату 16 августа 1802 г. См. Пол. Собр. Зак. Рос. Имп., т. XXVII, № 20,374.

3) ВОСПОМИНАНІЕ О М. А. МАКАРОВѢ.

(Разсказъ калужскаго старожила).

Было время когда городъ нашъ славился своею коммерціею: калужскіе купцы торговали не только во всѣхъ главныхъ городахъ русскихъ, но и въ иностранныхъ. Въ Парижѣ, въ Гамбургѣ, въ Лейпцигѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ можно было встрѣтить ихъ. Но вотъ уже лѣтъ 25, или больше, какъ не слыхать, чтобы наши торговцы побывали за границею; ѣздятъ нѣкоторые въ Петербургъ, въ Ригу, въ Нижній и въ Украйну; но большая часть дальше Москвы и окрестныхъ городовъ нигдѣ не бывали. Чудное дѣло! Кажется сами они знаютъ, что отъ того наша торговля пришла въ упадокъ; а попробуйте сказать кому-нибудь, что хорошо бы по прежнему съѣздить въ иностранныя земли поторговать; навѣрно услышите въ отвѣтъ русскую поговорку: славны бубны за горами, а къ намъ придутъ—тѣже лукошки! А жаль, право жаль, что наши граждане сдѣлались такими сиднями: и для нихъ стало хуже, и для города плохо. Бывало воротится торговецъ изъ-за границы съ хорошимъ барышомъ, посмотритъ на свой родной городъ, сравнитъ его съ тѣми, гдѣ былъ, и подумаетъ: отъ чего же тамъ и дома красивѣе, и улицы лучше нашихъ, а для бѣднаго народа больше работы и удобства? Посмотришь, купецъ, подумавши такъ, или выстроитъ домъ—краса всему городу, или фабрику заведетъ и бѣдному человѣку дастъ хлѣбъ, или немощныхъ гражданъ пріютитъ на свой счетъ—цѣлому обществу польза? Если поискать, то можно найти много хорошаго, сдѣланнаго у насъ людьми бывалыми за границею: значитъ тамъ и деньги наживали, и полезному научились. Вотъ, напримѣръ, былъ у насъ заграничный торговецъ почетный гражданинъ Михаилъ Антоновичъ Макаровъ; только вспомнишь о томъ, сколько полезнаго сдѣлалъ онъ въ свою жизнь, и невольно опять пожалѣешь, что наши торговцы такими сиднями стали. Но навѣрно многіе не слыхали объ немъ. Разскажу все, что знаю о дѣлахъ его, и пусть каждый разсудитъ самъ правдивы ли мои слова о калужскихъ купцахъ, ѣздившихъ въ иностранныя земли.

Михаилъ Антоновичъ родился, должно быть, около того времени, когда въ Калугѣ была моровая язва; но я узналъ его въ первые годы царствованія императора Александра I, когда мнѣ было не больше 16 лѣтъ, а ему, какъ думаю, съ чѣмъ-нибудь сорокъ. Ростомъ онъ былъ не высокъ, лицо имѣлъ очень пріятное, доброе; по уму же изъ десятка нельзя было его выкинуть. Нашъ братъ и теперь грамоту мало знаетъ, а тогда насъ ужъ

очень плохо учили; бывало, кто выучился читать псалтырь, да подписывать съ грѣхомъ пополамъ свое имя,—тотъ и кончилъ весь курсъ наукъ. Столько же ученъ былъ и М. А.; но видно Богъ даровалъ ему понятія побольше другихъ; съѣздилъ онъ одинъ разъ за границу и смекнулъ, что не ученье—тьма. Конечно, учиться было поздно и, по дѣламъ, нельзя; но охота къ наукѣ была такъ сильна, что онъ пристрастился къ книгамъ, и лишь только улучитъ свободное время отъ дѣла, сей-часъ и за чтеніе; а когда въ дорогѣ бывалъ, только тѣмъ и занимался. Правду сказать, многіе изъ гражданъ, а особенно жены наши, видя что онъ читаетъ книги *безъ застежекъ*, т. е. нецерковныя, называли его фармазономъ, и говорили, что онъ свою душу отъ нихъ погубитъ; да спасибо, такія глупыя рѣчи его не смущали. За то и много пользы онъ отъ чтенія получилъ: объ чемъ не заговорили бы съ нимъ, на все умѣлъ отвѣтить безъ запинки и такъ складно, что его слова поневолѣ слушали, а подъ часъ и самъ стихи писывалъ; кое какіе изъ нихъ я зналъ прежде, а теперь не припомню. Но дѣло не въ томъ, что книги научили его складно говорить и стихи писать: онъ научился изъ нихъ любить правду, честнымъ и добрымъ быть. Не знаю, есть ли у насъ въ Калугѣ хотъ одинъ человѣкъ, который сказалъ бы, что М. А. когда нибудь измѣнилъ своему слову. А для бѣдныхъ онъ былъ истинно евангельскій человѣкъ: помогалъ имъ щедрою рукою, но помогалъ не такъ, какъ многіе наши граждане дѣлаютъ теперь: раздаютъ милостыню въ положенные дни, а приди къ нимъ бѣднякъ и скажи, что ему нечего ѣсть, но на улицѣ протянуть руку за подаяніемъ совѣстно, то навѣрно откажутъ отъ того, что, дескать, онъ видно по внушенію дьявольской гордости не хочетъ просить Христа ради. „Вѣденъ, говорятъ они, одинъ бѣсъ, а у Бога всего много; значитъ, кто проситъ ради Бога, тому и дается, а кто на бѣдность сбираетъ, тотъ бѣсу служитъ.“ Нѣтъ, такимъ неразумнымъ, нехристіанскимъ правиламъ М. А. не слѣдовалъ, но поступалъ иначе: не жалобная просьба нищаго Христа ради заставляли его протянуть руку помощи, но истинная любовь къ Богу и ближнему, и ради своей любви ко Христу, а не ради слова бѣдняка, онъ дѣлалъ добро вездѣ, гдѣ могъ: не отказывалъ и нищему въ милостынѣ, не отвергалъ и того, кто совѣстился просить подаяніе на улицѣ; напротивъ такому онъ помогалъ словомъ и дѣломъ, такъ что совсѣмъ на ноги ставилъ, и, смотришь, съ его легкой руки бѣднякъ, забитый нуждою, сдѣлается человѣкомъ полезнымъ своей семьѣ и для общества. Такое добро М. А. старался дѣлать тайкомъ; но совсѣмъ скрыть его было нельзя, и я зналъ кое-кого изъ тѣхъ людей, которые по милости его избавились отъ нищеты; извѣстное дѣло, они о сдѣланномъ имъ добрѣ не молчали. Къ тому же въ нашей городской

думѣ хранится билетъ на 1000 руб. асс., положенные по волѣ М. А. въ здѣшній приказъ на вѣчныя времена для выдачи процентовъ бѣднымъ гражданамъ города Калуги ежегодно предъ праздникомъ св. Пасхи. Русская пословица говоритъ: дорого яичко къ великому дню; и точно дорого, очень дорого цѣнится самая малая помощь тѣмъ бѣднякомъ, которому не на что разговѣться въ свѣтлый праздникъ; за то и благодарная память никогда не забудетъ имени М. А.

Много разъ М. А. ѣздилъ за границу по торговымъ дѣламъ, бывалъ тамъ въ разныхъ городахъ и гдѣ полезное видѣлъ, все примѣчалъ; домой же воротится, своимъ гражданамъ обо всемъ разскажетъ и совѣтъ дастъ, что было бы хорошо и у насъ сдѣлать. Разумѣется, не всякое дѣло по его словамъ исполнялось; но разумный совѣтъ даромъ не пропадалъ: если хорошаго по немъ не сдѣлаютъ, такъ отъ дурнаго удержатся. Больше всего онъ любовался въ иностранныхъ городахъ, какъ фонтаны бросаютъ вверхъ чистую воду: для виду—красиво, а людямъ большая польза! И такъ сильно ему нравилось это, что, воротившись изъ заграницы въ 1807 году, онъ задумалъ непремѣнно устроить въ своемъ городѣ фонтанъ. Поговоря объ этомъ съ гражданами, онъ нашелъ многихъ охотниковъ помогать ему; какъ разъ составили приговоръ, выпросили отъ начальства позволеніе и принялись за дѣло. Подлѣ церкви Михаила Архангела, на дворѣ обывательскаго дома, былъ ключевой колодезь; воды въ немъ стояло всегда очень много, а мѣсто тамъ высокое. Вотъ оттуда, вдоль по Архангельской улицѣ къ низу, прорыли канаву, положили трубы, и вода полилась въ два деревянные бассейна, которые были построены—одинъ маленькій, на углу противъ церкви св. мученика Никиты, а другой большой на площади, противъ гостинаго двора. Первый давно уже сломанъ отъ того, что проѣзду мѣшалъ, а другой, года четыре тому назадъ, замѣненъ чугуннымъ. Конечно, теперь фонтаны не диковинка; но тогда ихъ немногіе видали, и наши калужане толпами приходили къ этой новинкѣ, а М. А. весело посматривалъ, какъ народъ дивился и пользовался его выдумкой, и такую сильную привязанность имѣлъ онъ къ своему фонтану, что особенный образъ заказалъ написать. Часто я молился предъ этимъ образомъ и твердо запомнилъ все то, что на немъ изображено: въ верху два ангела и два херувима поддерживаютъ на облакахъ изображеніе Нерукотвореннаго Спаса; подъ нимъ, на самой срединѣ образа, Михаилъ Архангелъ и преп. Михаилъ епископъ Синадскій изображены стоящими подлѣ фонтана, полнаго водою. Преподобный Михаилъ епископъ подаетъ двумъ странникамъ, приклонившимъ предъ нимъ колѣна, воду въ кувшинѣ, подлѣ котораго написано: *утолить жажду*. На правой сторонѣ, наравнѣ съ фонтаномъ, нарисовано зданіе гостинаго дво-

ра, а пониже его пожарная бочка съ надписью: *угаси*. На лѣво мужчина и женщина несутъ ушатъ съ водою; здѣсь написано: *польза*, а въ низу всего такія слова: *Божіею милостію изобрѣлъ водопріямище, съ общимъ иждивеніемъ гражданъ устроилъ М. А. Макаровъ* 1807 года. Украсивъ, по усердію своему, изображенія Нерукотвореннаго Спаса, ангеловъ и святыхъ серебряными съ позолотою ризами, М. А. въ 1829 году образъ этотъ принесъ въ даръ нашей городской думѣ и, желая, чтобы въ праздничные дни предъ нимъ теплилась лампада, опредѣлилъ 100 р. асс., для покупки на проценты масла. Послѣ того въ 1830 году, выпросилъ отъ бывшаго тогда у насъ епископа разрѣшеніе каждый годъ 16 августа выносить изъ Георгіевской на Воробьевкѣ церкви св. иконы къ фонтану для молебствія съ водосвятіемъ, для чего внесъ въ приказъ 200 р. асс. и просилъ городскую думу ежегодно выдавать проценты съ этихъ денегъ священно-церковно-служителямъ за служеніе молебствія. Въ точности исполняется этотъ завѣтъ М. А. Каждый праздникъ Нерукотвореннаго Спаса собирается православный народъ къ фонтану помолиться Богу; принесутъ туда изъ городской думы пожертвованный Макаровымъ образъ, и каждый, глядя на него, помянетъ строителя фонтана добрымъ словомъ, а много бываетъ и такихъ, которые со слезами благодарности проговорятъ его имя. И правду сказать, какъ не помянуть М. А. добрымъ словомъ, когда его дѣянія извѣстны всѣмъ. Развѣ его фонтанъ не приноситъ пользы для всего города, особенно въ случаѣ несчастія отъ огня? Объ этомъ и толковать нечего, а кто хоть малую пользу сдѣлалъ для общества, о томъ и добрая слава долго въ народѣ идетъ, и хорошо было бы, когда бы наши граждане, собираясь въ городскую думу разсуждать объ общихъ дѣлахъ, почаще смотрѣли на икону М. А. и старались бы оставить по себѣ такую же память; тогда говоря объ нихъ, каждый отъ чистаго сердца произнесетъ тѣже слова, какія всегда повторяетъ, вспоминая М. А.: дай Богъ нашему городу такихъ гражданъ побольше!....

Калужанинъ.